

Валерий ЧЕРЕПИЦА

Вс.Н. ИВАНОВ, Г.М. МОИСЕЕВ И Н.А. ЧЕРКАШИН – ЛИТЕРАТОРЫ, ПОРОДНЕННЫЕ ДРЕВНИМ ВОЛКОВЫСКОМ

Ранее мне уже доводилось писать об уроженцах Волковыска, связавших свою жизнь с литературным творчеством. Сегодня есть возможность рассказать об этих людях более полно, содержательно, а главное – с учетом принципа хронологии, положенного в основу всего исследования. А настоящий очерк мне хочется начать с жизнеописания самого таинственного из всех имеющих в виду писателей.

Всеволод Никанорович Иванов (1888-1971) долгое время находился в тени другого Всеволода Иванова (1895-1963), того, который сразу после гражданской войны написал героико-романтическую повесть «Бронепоезд 14-69». Того Иванова знали и поддерживали Горький, Сталин и Молотов. Его расхваливали комиссары да большевистские критики, зато его тезку и однофамильца высоко чтили Георгий Адамович, Арсений Несмелов и Николай Рерих. Считалось, что советская власть очень долго не могла простить этому Иванову участие в белом движении и эмиграцию в Китай. Однако есть и другие объяснения того, почему в СССР об этом Иванове стали писать и говорить лишь после второй мировой войны. Дело в том, что много лет он был агентом советской разведки за рубежом, а раскрывать все свои секреты в этом ведомстве не принято.

Вс. Н. Иванов родился 7 ноября 1888 в городе Волковыске Гродненской губернии. Его отец был учителем рисунка и живописи в уездном народном училище. Когда мальчику исполнилось восемь лет, Ивановы переселились в Ржев, но в Тверской губернии они почему-то не прижились и через год, в 1897 году, переехали в Кострому. Данное обстоятельство позволило костромским исследователям жизни и творчества писателя, поставить под сомнение некоторые факты его биографии. Так, в частности, поступил Константин Воротной в своей статье о Всеволоде Иванове, опубликованной в сборнике «Кострома. Новые имена» (Кострома, 2008-2009): «Всеволод Никанорович Иванов – личность выдающаяся, но, как ни странно, его жизнь до сих пор не изучена, в ней еще много неясного. В частности, многочисленные биографы писателя утверждают, что он родился в г. Волковыске Гродненской губернии. Между тем, по воспоминаниям людей, хорошо знавших писателя и неоднократно встречавшихся с ним, со слов самого Всеволода Иванова, мы узнаем, что он родился в Костроме в том же году, в мелкопоместной дворянской семье, и не доверять этим сведениям нет оснований. Похоже, что Всеволода Никаноровича перепутали с каким-то другим Ивановым, тоже известным писателем, коих насчитывается чуть не десяток».

Не знаю, как у кого, но у меня после прочтения этих строк, так называемой ясности в этом факте биографии писателя совсем не прибавилось. Начнем с главного, то есть места его рождения (г. Волковыск Гродненской губернии). Уверен, что просто так, «с потолка», оно не могло быть указано первыми биографами Иванова, и, надо полагать, что оно было зафиксировано в многочис-

ленных документах, касающихся его учебы, службы в армии и т.д., прежде чем попасть на страницы прежних публикаций о жизни Всеволода Никаноровича. Второй момент, автор-костромчанин не называет имени ни одного из близких ему людей, авторов воспоминаний о писателе, которые бы «с его слов» утверждали о том, он родился в Костроме, но тем не менее почему-то пытается убедить читателей, что «не доверять этим сведениям нет оснований». Можно, разумеется, допустить и такой момент, что в общении с людьми, проявлявшими интерес к его жизни и творчеству, Всеволод Никанорович, многое познавший на своем веку, по возвращении на родину из эмиграции не стремился обременять свою и так непростую биографию, подчеркиванием факта своего рождения на западной окраине России, долгое время находившейся под властью враждебной СССР в 1920-30-х годах «панской Польши». Совершенно не убедительно и предположение автора статьи о том, что нашего Иванова перепутали применительно к месту рождения «с каким-то другим Ивановым, тоже известным писателем».

Мое несогласие с этим тезисом базируется на результатах исследования Владимира Бондаренко на тему «Династия Ивановых в русской прозе XX-XXI века». В нем вместе с показом весомого вклада каждого из однофамильцев в историю русской литературы, автор исследования называет и малую родину каждого из них: Для Всеволода Никаноровича это была Гродненская губерния, для Всеволода Вячеславовича – Семипалатинская область, для Валентина Дмитриевича – город Самарканд, для Анатолия Степановича – село Шемонаиха (Казахстан), для Алексея Викторовича – город Горький, а для Николая Федоровича – село Страчево Брянской области. Мною были просмотрены биографии и других менее известных писателей Ивановых, но и среди них не было обнаружено ни одного, кто бы родился в Гродненской губернии или Гродненской области. А это значит, что место рождения Вс. Н. Иванова ни с кем из других Ивановых не перепутано, а указано правильно, тем более, что сам писатель, знакомясь со своей опубликованной биографией, ни разу официально не выступил с опровержением указания на свое место рождения именно в г. Волковыске.

Более того, сам Всеволод Никанорович подтвердил этот факт, о чем можно судить на основании солидной монографии С. И. Якимовой, изданной в Хабаровске в 2013 году. Вот фрагмент из нее, посвященный этому вопросу: «Вс. Н. Иванов родился 19 ноября 1888 года в городе Волковыске Гродненской губернии в семье уроженца г. Москвы, учителя чистописания и рисования. Дед его, Лаврентий Иванович Иванов, был «из Оренбургской губернии, из крепостных мужиков господ Лапиных. Верой и правдой служил царю и отечеству, солдатом ходил с фельдмаршалом графом И. Ф. Паскевичем в 1849 году в Венгрию, наводил там «порядок». Раненый, уволенный «вчистую» определился кондуктором на только что открытую Николаевскую железную дорогу, где попал в крушение между Москвой и Петербургом, и после чего, уже как «двойной» инвалид, работал до конца жизни в Московском окружном суде швейцаром. Женился дед, уже служа в Кремле, на дочери смотрителя воспитательного дома Настье Козырьковой, девушке общительной и жизнелюбивой. «У них в том кремлевском подвале родился прошенный и моленый сынок Никанорушка, мой отец» - напишет Всеволод Никанорович на исходе жизни в своих воспоминаниях. Отец стал хорошим графиком, владел искусством старинных приказных уставных и скорописных почерков. Окончив Строгановское училище, отец уехал в Волковыск и поступил на должность учителя чистописания в уездное училище. «Красивый, веселый москвич, художник, певец, гитарист, - так пишет Иванов о своем отце, - вскоре женился на дочери чиновника из владимирских поповиче, посланного «русифицировать» «Царство Польское» Доброхотовой Ольге Николаевне».

Всеволод рос отзывчивым, чутким ребенком, накапливая и синтезируя в себе впечатления детства. Из детства он вынес и многие хитросплетения человеческого бытия. В семье Всеволод был старшим из детей, позднее у него появились братья Константин, Евгений и сестренка Людмила, которая умерла в раннем детстве от простуды. Через несколько лет семья Ивановых переселилась из маленького городка Волковыск в Ржев Тверской губернии, поближе к родине отца, откуда в 1897 году переехала в Кострому. Несмотря на этот переезд дети подолгу жили в Волковыске у дедушки Дмитрия Францевича и бабушки Александры Ивановны Доброхотовых. Когда Всеволоду было десять лет, родители разошлись, мать уехала от семьи. После развода семья Ивановых в составе отца, Никанора Лаврентьевича, бабушки Насти и сыновей поселилась в Костроме на улице Нижняя Дебря, где отец нанял новую квартиру». После чтения этого фрагмента все становится на свои места. Только одно непонятно: почему мать писателя звали «Ольгой Николаевной Доброхотовой», а ее отца – «Дмитрием Францевичем Доброхотовым»? Но это уже детали, не имеющие отношения к месту рождения Вс. Н. Иванова.

Что же касается Костромы, то в этом городе Вс. Н.Иванов в 1906 году с отличием окончил классическую мужскую гимназию и сразу же поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Окончив университет в 1912 году, Иванов, следуя дворянской традиции, попросился в армию. Он попал в 18-й пехотный полк, который стоял в Тамбове, в котором им и были сданы экзамены на чин прапорщика. Вернуться к занятиям наукой под руководством профессора А. С. Лаппо-Данилевского него появилась возможность лишь осенью 1913 года. Но в мае 1914 года Иванова как прапорщика запаса призвали на военные сборы и отправили в верховья Волги. Но вскоре началась Первая мировая война, и он остался в армии. Служил, в основном, в 107-ом запасном батальоне в г. Вятке, где сначала командовал ротой, а затем учебной командой, неоднократно бывал в командировках на театре военных действий. Осенью 1916 года написал «Наставление для борьбы за укрепленную полосу». Тогда же начинающий писатель опубликовал серию рассказов «Любовь и служба Касьянова», в которых описал чувства служившего в армии молодого человека. В том же 1916 году был награжден орденом Святой Анны 3-й степени за отлично ревностную службу. В сентябре 1917 года был произведен в подпоручики. После Февральской революции Иванов был избран членом полкового комитета, служил в Перми. После Октябрьского переворота по поручению Уралсовета в составе учебной команды полка совместно с отрядом революционных матросов из Петрограда участвовал в подавлении пьяного бунта, спровоцированного в Перми в ночь на 17 ноября какими-то невидимыми силами.

Вскоре после этого Иванов демобилизовался и в феврале 1918 года начал работать ассистентом профессора Л. В. Успенского по кафедре права Пермского отделения Петербургского университета. Публиковался в либеральных газетах города. Сразу после занятия Перми белой Сибирской армии адмирала А. В. Колчака, он был снова мобилизован и назначен на работу в газету «Сибирские стрелки».

В июне 1919 года профессор Н. В. Устрялов пригласил Вс. Н. Иванова, которого знал еще по Пермскому университету, в Омск на работу в «Русское бюро печати» при Верховном правителе России А. В. Колчаке. Однако поработать здесь ему пришлось недолго. Ситуация в Сибири менялась постоянно (то красные придут, то белые), в результате войска Колчака потерпели поражение, сам он попал в плен и вскоре был расстрелян, а остатки его вооруженных сил ушли в Забайкалье и на Дальний Восток. У Иванова выбора не было – большевики считали его врагом советской власти, поэтому он оставался с белыми и отступал с ними до самой границы.

С марта 1920 по май 1921 года Иванов жил в Харбине, сотрудничал с русскими и китайскими газетами, создал информационное агентство ДИТА, но просуществовало оно недолго. Потом он вернулся во Владивосток, когда там обстановка стабилизировалась, и стал выпускать «Вечернюю газету». Просуществовала популярная на Дальнем Востоке газета только полтора года. С приходом туда Красной Армии, Всеволод Иванов покинул Владивосток и эмигрировал сначала в Корею, а затем в Китай. В Шанхае он какое-то время был главным редактором официозной газеты «Гун Бао», однако не сошелся во взглядах с властями, и ему пришлось переехать в Харбин, где он некоторое время преподавал в местном педагогическом институте. Общественная атмосфера в городе, ставшем столицей русской эмиграции в Китае, не устраивала в полной мере публициста, и в конце 1924 года Вс. Н. Иванов официально обратился в консульство СССР в Харбине с просьбой принять его в советское гражданство. После этого он активизировал свою литературную деятельность. Так, в 1926 году им был завершен роман «Мы», имевший подзаголовок «Культурно-исторические основы русской государственности». Книга была издана и имела успех, в ней анализировалась история сложных отношений России и Азии; в этом смысле она не потеряла своего значения и сейчас. Почти одновременно с романом «Мы», он издал сборник историко-лирических стихов, озаглавленный «Беженская поэма, в котором автор выразил весь драматизм человека, утратившего связь со своей родиной.

С момента получения советского гражданства труды Иванова через ТАСС стали публиковаться на страницах газеты «Правда» и других советских периодических изданий. В это время им были написаны такие крупные исторические произведения как «Китай и ее 24-я революция», «Манчжурия и КВЖД». В 1931 году Всеволод Никанорович стал сотрудником советской газеты «Шанхай Геральд», выходящей в Китае на английском и русском языке, и получил советский паспорт. Последнее стало возможным, что «непримиримый враг советской власти» писатель Иванов, начиная с 1924 года, стал вполне осознано сотрудником разведки Генштаба Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны он работал политическим комментатором радиостанции «Голос Советского Союза», которая дислоцировалась в Шанхае. Работа в местном пресс-центре открывала известному журналисту широкие возможности собирать важнейшую информацию среди возвращавшихся вокруг него журналистов и политиков практически со всех стран мира. Здесь же Иванов несколько раз встречался с Рихардом Зорге, который также работал «журналистом» на Дальнем Востоке, только он имел не советскую, а германскую аккредитацию. Как говорил впоследствии Всеволод Никанорович, он сам еще в начале мая 1941 года, раньше Зорге, предупреждал Москву о том, что Германия готовится к войне с нашей страной, и даже указывал сроки нападения. Но ему, как и многим другим разведчикам, не поверили.

В феврале 1945 года Вс. Н. Иванов вернулся на родину, ехал он в Советский Союз в одном поезде со знаменитым певцом Александром Вертинским. Но в отличие от последнего, в центральных городах страны ему жить запретили по причине предвзятого отношения к его белогвардейскому прошлому. В августе того же года он поселился в Хабаровске. Здесь им были написаны повести «Тайфун над Янцзы» (1952), «Путь к алмазной горе» (1956), «Дочь маршала» (1969). В 1957 году, после выхода романа-хроники «На нижней Дебре» о революции 1905 года, Иванов был принят в Союз советских писателей. Это создало необходимые условия для дальнейших занятий писательским трудом. Он много ездил по стране, собирая материалы к своим будущим книгам «Черные люди» (1963), «Императрица Фике» (1968), «Александр Пушкин и его время» (1969).

Несомненно и то, что литератор и мыслитель Иванов был еще и выдающимся синологом (китаеведом). Существует мнение, что если бы тогдашнее советско-партийное руководство страны не чинило бы препятствий к изданию его трудов по истории Китая и прислушивались бы к его советам, то в советско-китайских отношениях не было бы ни пограничных конфликтов (на острове Даманском, в Казахстане и на Дальнем Востоке в 1969 году), ни продолжительного политического противостояния. И «культурная революция воспринималась бы не как прихоть Мао Цзе-Дуна и его окружения, а как переход Китая на новую политическую и экономическую идеологию. И современный мощный экономический рывок этой страны тоже не стал бы для России и всего мира столь неожиданным. Всеволод Никанорович такое возвышение Китая предвидел, неслучайно много лет тому назад он произнес поистине пророческие слова: «Бойтесь трудолюбия китайцев». Более того, он пытался предупредить советское руководство о том, что с китайцами надо вести себя очень осторожно и доверять им как можно меньше. Об этом свидетельствует письмо, которое он написал в 1969 году тогдашнему главе правительства СССР А. Н. Косыгину: «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Николаевич! 23 года довелось мне прожить в Китае, я знаю Китай, писал книжки про Китай. Вернулся я в Советский Союз в 1945 году, и в беседах своих о Китае с того времени высказывал и предсказывал то, что теперь там мы и видим, к сожалению. Вы – человек бесконечно занятый, и потому разрешите занять Ваше внимание недолго. В Китае я когда-то пользовался доверием и вниманием генерала Д. П. Хорвата Начальника Китайско-Восточной железной дороги – умнейшего человека, честного русского патриота, который делился со мной своим опытом по Китаю. Когда мы с ним расставались, его последние слова были: «Скажи там, в Москве, от меня, если доберешься, что главное, чтоб они не верили китайцам ни в каких договорах, если эти договоры нельзя надежно подкрепить. По моей практике китайцы никаких договоров не держат». С тех пор утекли десятки лет – но я все время проверяю по фактам, что старик Хорват был прав. Вс. Н. Иванов».

К сожалению, автор письма оказался не востребовавшимся как глубокий знаток китайской цивилизации. А ведь, используя китайский опыт, наша страна могла бы избежать тех катастрофических последствий разного рода перестроек и реформ конца XX века, свидетелями невольными участниками которых многие из нас стали. Скончался замечательный русский писатель, философ и историк Вс. Н. Иванов в Хабаровске 9 декабря 1972 года. В конце жизни Иванов писал: «Нельзя жить глухим обывателем. Нужно иметь за собой происхождение, историческое хотя бы. А главное нужно иметь и уметь давать чувствовать, что ты не обыватель, что ты нужен Родине, и даже после смерти нужен ей твой дух».

К 130-летию Всеволода Никаноровича Иванова, которое будет отмечаться в 2018 году, планируется издать полное собрание его сочинений, в которое войдут не только известные литературно-исторические произведения, но и малоизвестные мемуарные. А это значит, что у нас есть надежда на то, что в них найдутся и конкретные факты, связанные с городом, где писатель родился и где его давно забыли. Не исключено, что на старом православном кладбище Волковыска сохранились надгробия на месте захоронения Доброхотовых – матери, дедушки и бабушки писателя Вс. Н. Иванова.

К сожалению, некоторое равнодушие проявляют гродненцы и по отношению к другим землякам-литераторам, к числу которых следует отнести и Георгия Митрофановича Моисеева (1924-1913). Он, как и Вс. Н. Иванов, также родился в Волковыск, но к этому времени этот город уже находился несколько лет в составе Польши. Семью Моисеевых занесли сюда те же исторические события, по причине которых Иванов оказался в эмиграции в Китае. Глава семейства,

Митрофан Алексеевич, был ровесником Иванова, и как дворянин, офицер Донского казачьего войска участвовал в Первой мировой, а затем и в гражданской войне в составе Добровольческой армии. Такой выбор он сделал без колебаний в силу своего происхождения и воспитания. В марте 1920 года в Новороссийске он был расстрелян на пирсе в числе многих других плененных красными белых офицеров, но не дал ему помереть нашедший его среди трупов старый казак. Последний не только выходил молодого офицера, но и помог ему с риском для собственной жизни перебраться за границу, какой в то время стала Западная Белоруссия. В своих мемуарах М. А. Моисеев достаточно подробно описал, как он обживался на новом месте. Помещаем здесь лишь краткий пересказ его повествования:

«Пришли мы в Волковыск, нашли место для ночевки у двух казаков, которые имели здесь пекарню, и тут совершенно случайно мне улыбнулась судьба. В Волковыске имелись полуразбитые казармы, где в императорские времена стояла артиллерийская бригада, и эти казармы военным ведомством было решено восстановить для 3-го полка польских конных стрелцов. Благодаря офицерам этого полка, ранее служившим в русской армии и инженеров, недавно бежавшим от большевиков, мне удалось получить службу производителя работ в их строительной фирме. По началу было трудно, но в итоге работы, проведенные под моим руководством прошли без сучка и задоринки.

Наступили осень и зима, строительные работы приостановились. Единственный заработок оставался в лесу на заготовке дров. Лес находился в 4-х километрах от города (в обе стороны пешком 8 км), что очень изнуряло, особенно когда шли дожди, сменяемые морозами. Работа со мной полковник Коньков и местный крестьянин, который был опытным в этом деле, в чем он нас здорово выручал. Работа очень утомляла, и ничего нельзя было придумать другого, так как мы были бесподданными и плохо владели польским государственным языком, хотя разговорный язык был местный – русский, смешанный с местным жаргоном (белорусским).

Но счастье мне вновь улыбнулось. В одно из воскресений около церкви подошел к нам один тип, принял военную выправку, то есть стал смиренно и обратился к нам: «господа офицеры», потом сказал, что он бывший матрос, был противником революции, что он сочувствует нам и предложил нам работу под крышей, в сухом и теплом месте – делать гробы для умирающих больных в тифозном госпитале (матрос был в нем завхозом). Умирающих было до 40 человек в день, а мы с полковником уже переболели тифом в Добровольческой армии, поэтому с удовольствием приняли это предложение. Плату нам назначили гораздо больше, чем в лесу.

Кроме гробов, мы занимались с Коньковым и ремонтом крыши госпиталя. В один из дней лестница поскользнулась на льду, и я упал с высоты 3-4 метров. Сломанная нога была ранена в 1915 году, и теперь опять кость лопнула. Первую помощь мне оказывал врач из татар Байрашевский. Не оставлял он меня и в дальнейшем. Благодаря матросу, госпиталь уплатил нам какую-то сумму, на которую мы могли прожить больше месяца. Недели через три я уже стал ходить на костылях. Не оставила меня без внимания и местная русская и польская интеллигенция, и, слава Богу, при таком внимании ко мне нога постепенно поправилась. А вскоре мне нашли и место управляющего одного из имений, но оно было заложено, и осенью продано с торгов; купили его евреи, и мне нечего там было делать, так как они имели своих людей. Вопрос с имением отпал, тем более, что я убедился, что для того чтобы жить, надо обворовывать владельца имения, а то было не по мне.

Пришлось устанавливать связь с поляками, бежавшими из России, и с их помощью я взялся за строительство. Железная дорога дала мне постройку павильона в летнем саду, ремонт домиков для путевых обходчиков и стрелочников, дальше пошел ремонт мостов, укладка 14 км железнодорожного пути и, как с неба свалилось предложение мне создать столярне мастерские для изготовления окон и дверей при 38 столярах. Мастерские стали приносить хороший доход, но им пользовался не я, а начальство.

Жизнь в Волковыске протекала довольно скучно. Поездки в Варшаву даже при моем уже приличном заработке стоили слишком дорого. Так что приходилось довольствоваться тем, что здесь было. Навещала город русская драматическая труппа Станиславского, лучшая в то время в Европе. Посещали спектакли «Дни нашей жизни», «Ревность» вместе с нами, русскими, и офицеры местного кавалерийского полка. В их обществе я встретил и был представлен моей будущей жене и другу, давшей мне двух сыновей, русских и больших патриотов.

В конце 1920-х годов я перебрался с семьей в Гродно. Вначале и здесь у меня не все хорошо складывалось, но постепенно, кроме работ на железной дороге, у меня появились заказы на работы и по военному ведомству, которые были в районе Вильно, Сувалок, Белостока, Гродно, на польско-немецкой границе. Бывали при этом и такие случаи, когда меня, как в прошлом русского офицера, лишали права входа на территорию производимых работ, но затем, правда, мне приносились за это извинения. А однажды ко мне явился инженер Гурецкий, владелец большой строительной фирмы из Варшавы, и предложил мне принять работу по постройке главного здания санатория в курортном месте Друскеники. Работа предстояла большая, но условия были очень хорошие, и я согласился. Было это в канун новой большой войны».

Несмотря на переезд в Гродно, Моисеевы часто навещались в Волковыск, где жили Муравьевы – родители Надежды Васильевны Моисеевой, матери нашего главного героя – Георгия. Здесь он родился, здесь он начинал познавать жизнь. Спустя годы, свои теплые воспоминания о том далеком и светлом времени Г. М. Моисеев изложил в одном из фрагментов своего полуромана-полубыли «Страницы жизни» (2004), озаглавленном «Волковыск 1939»:

«Август был тихий, теплый, наполненный запахом зрелых яблок, груш и цветущих флоксов... Утренние туманы долго стояли над реками и болотами. Воздух пах влажной пылью, вся природа казалась сонной и усталой. За Росью, что лениво извивалась среди изумрудных волковысских полей, стояли темной стеной леса Козьих гор, а еще дальше Изабелинский лес, и горизонт терялся в синей дымке уходящих в бесконечность холмов.

Была в этом мире своя устойчивость, свой ежедневный порядок. Незримый закон природы царил всюду. В лесной глуши, над широкими полями Белоруссии, в садах и огородах лето сияло с высоты чистого, голубого неба, словно Божьим Глазом благословляя нерушимость созданного Богом мира. Прошли жаркие августовские дни, согретая солнцем земля дышала покоем, богатством урожая и только ранние голоса ребятишек нарушали тишину рассвета. Они уходили на речку удить окуньков, плотву, уклек. Другие шли в лес за грибами и орехами. В лесу «аукали», постукивали по золотистым стволам сосен, громко перекликались. Не дай Бог на мишку напороться...мишка тоже малинку любит. В этих местах не было недостатка в медведях, оленях, лосях. В темной гуще мелькали волки, лисицы, барсуки, по верхушкам бегали куницы, рыси, белки, порхали сотни пернатых и по ночам блистали ярко-зеленым светом огромные, ухающие фили-

ны. Маленькие ежики собирали опавшие яблоки-дички, ягоды, суетливо фыркая сновали под раскидистыми елями.

По утрам, когда еще почти темно, и серый рассвет подымался где-то далеко над Великой Русью, по проторенным колеям ехали из Груд крестьянские телеги в Волковыск-Город на базар. Мимо Волковыскам Центрального, где жили семьи железнодорожников, мимо магазина Вежбовского, мимо польского костела, тарахтя железными ободами колес под постоянное понукание мужичков – «А! Каб тебе! Не спи, Я тебе зараз покажу» - кобылки фыркали, стригли ушами, размахивали хвостами, дергали пару раз поводками и опять возвращались к своему размеренному шагу. Кобылки были круглые, откормленные, лоснились боками, гордились длинными гривами и хвостами, поблескивали надраенной сбруей и скрипели вечно недотянутыми хомутами. А сидевшие на передках вожатые лениво дергали вожжами, помахивали старыми кнутами, поглядывали полужакрытыми глазами на начищенные сапоги, мозолистые руки, подкручивали растопыренные усы и заметно покачивали головами в такт стука колес.

Когда после обеда базар пустел, стаи воробьев налетали со всех концов Волковыска-Города, появлялись бородатые дворники с длинными плоскими лопатами и деревянными тачками и собирали мусор. А деревенские обозы, все также скрипя и тарахтя колесами, тащились среди широких полей в свои соломой покрытые избы. Уезжая заходили в красивую деревянную церковь, ставили восковые свечи и широко крестясь гнули крепкие спины. Некоторые, удачно продав свои товары, покупали стеклянные лампадки, запасные свечи и фитили. В соседних еврейских лавчонках покупали сладости детям, торговались за каждую покупку и потянув пару глотков домашней сивухи, из-под мешка с сеном, звонко шлепали вожжами по лошадиным крупам и громко щелкали кнутами. Деревня соблюдала старинный, веками установленный порядок.

А со Шведской Горы, которую оставили за собой шведские полки, идущие на юг России, чтобы сразиться с русским императором Петром, под никому тогда неизвестной Полтавой, и на которой метеорологи поставили наблюдательную вышку, иногда было видно, как тащились медленно крестьянские телеги, как подходили и уходили в волковысской долине крошечные поезда, еле-еле доносились гудки паровозов. Серебряная нить Роси извивалась среди сочных полей, издали белели стволы берез. В солнечную, безоблачную погоду над всем этим краем стояла тишина, прерываемая жужжанием мух и воробьиным щебетом.

Дни стояли светлые, словно выцветшие, солнце вставало рано, освещало Козьи Горы, Изабелинский лес, желтые полосы убранный ржи, блистало золотыми искорками в ленивых водах Роси. Просыпались воробьиные стайки, весь пернатый мир. А в полумраке утреннего рассвета над широкими раскидистыми яблонями еще царил тишина уходящей ночи. Тонувший в садах и цветах Волковыск Центральный переживал последние мирные дни августа 1939 года. И, словно предвещая грозу, местные колдуны и знахари неопределенно кивали головами, ходили в лес за травами, разжигали костры и разглаживали свои лопастые, густые бороды. Что-то было не так...

Еще ходили элегантные экспрессы Париж-Москва, еще шли экспрессы в Лиду, Вильно и каждый день приходил сюда гродненский поезд. Все также шумел нарядной толпой ресторан вокзала, а рядом в киоске продавался последний номер «Курьера Варшавского». Но газеты, вопреки тихим золотым закатам, пестрели тревожными заголовками, ультиматумами и другими угрозами. Пас-

сажиры уходили в вагоны, качали головами, перечитывали заголовки и медленно садились на мягкие, плюшевые сидения.

А заботливые хозяйки запасались солью, сахаром, скупали жиры, муку, крупы, прочищали огороды, солили капусту и огурцы, варили повидла и варенье, сушили грибы, чеснок, бегали на базар и несли все купленное на длинные полки кладовок. Люди поглядывали на запад, смотрели на уходящее за лесами солнце. Чувствовалось, что что-то красивое, приятное ускользает, что с каждым вечером уходит частица мирной жизни, и с каждым закатом солнца, выходит из-за темнеющего горизонта нечто сердитое, злое и жестокое.

Когда «Курьер Варшавски» преподнес своим читателям заголовок – «Не дамы и гузика» (не дадим и пуговицу), многим стало ясно, что вся прелесть летних закатов – только временная симфония беспечности. И трудно было поверить, что это были считанные дни перед грозой. К вечеру под дружное жужжание комаров начиналось поливание цветов, зажигались огни в домах, доносились смех, музыка. И словно предчувствуя конец этой идиллии жители Центрального выходили в садики, в беседки, ставили самовары, пили горячий чай с вареньем и обсуждали насущные темы. Неслышно порхали летучие мыши. Так проходили последние дни августа 1939 года. А гроза была за углом...».

Тонкая наблюдательность, глубокие впечатления из детства и юности, не стерли из памяти Г. М. Моисева цвета и ароматы того далекого времени, ставшими переломными в его судьбе. В своей автобиографии, написанной для одного из зарубежных справочных изданий, он написал следующее: «Моисеев Георгий Митрофанович (родился 27 августа 1924, Волковыск, Западная Белоруссия в составе Польши) – участник борьбы с большевиками во время Второй мировой войны, архитектор, казачий деятель. Потомственный дворянин, сын казачьего офицера, участника 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 г., генерал-майора Войска Донского М. А. Моисеева (около 1892-1984). Учился в частной гимназии в Гродно (1933-1939). В 1939 бежал от Красной армии в Литву. Учился в Пушкинской гимназии в Вильно (1939-1940). Накануне советской оккупации Литвы (1940) вторично бежал от советских войск в Восточную Пруссию. В 1942-44 участвовал в формировании русских казачьих частей в составе вермахта на Восточном фронте. В Варшаве служил в разведорганах вермахта «Зондерштаб Р» полковника Б. А. Смысловского. Летом 1942 - офицер в элитных кавалерийских школах вермахта и казачьих формирований. Выполнял особые задания в советском тылу на Восточном фронте. В 1944 эвакуировался из Западной Польши в Прагу, затем - в Мюнхен. В 1945-49 учился на архитектурном факультете Мюнхенского университета. Затем находился в эмиграции в Австралии. В 1950 основал в Аделаиде первый в Австралии Клуб русской молодежи. Как архитектор специализировался на планировке госпиталей и медицинских зданий. В Канаде с 1967 года. С 1948 года писал для русских национально-патриотических изданий. Автор трилогии «Страницы жизни» и более 3 тысяч статей, опубликованных на страницах «Суворовца», «Нашей страны» (Буэнос-Айрес), «Часового» (Брюссель), «Знамени России» (Нью-Йорк), «Русской жизни» (Сан-Франциско), «Русского в Канаде». После 1990 печатается на страницах русских антикоммунистических изданий на родине. Начальник РОВС в Канаде (1984-87). Член Верховного Совета РИС-О. Автор проекта детского госпиталя в Оттаве, признанного одним из лучших в мире. Три года работал в качестве специалиста по архитектурным проектам в Саудовской Аравии. Консультант по планировке госпиталей в частной фирме в Дюссельдорфе (1983-86). С 1990 издает «Белый листок» - национально-патриотический обзор событий в России (тираж 480 экз.). Полковник Войска Донской, почетный член Объединения журналистов казачества в России (Почетная грамота, 2000). Любитель рус-

ской народной музыки, казачьего фольклора, русской истории, акварелист. В прошлом джигит, ныне осторожный наездник. Родственники: жена (в браке с 1949), четверо детей, пять внуков, правнучка».

В этой автобиографии, на первый взгляд, написано столько всего необыкновенного и неприемлемого с описанием Моисеевым предвоенного Волковыска и переживаемых им в ту пору чувств, что она может показаться не только несоответствующей жизненным реалиям, но и вполне чуждой традиционному восприятию войны с точки зрения советского человека. Однако последнее сегодня все больше воспринимается как результат ее видения лишь с одной, нашей стороны, без учета кровопролитной гражданской войны и ее последствий для проигравшей части русских людей и того, в какой неимоверно сложной жизненной ситуации оказались они в эмиграции, вне пределов своей родины, накануне и в ходе Второй мировой войны. Этой болезненной проблеме посвящен и автобиографический роман Г. М. Моисеева «Страницы жизни», ставший, по сути дела, своеобразной исповедью его главного героя, влюбленного в ту Россию, в которой ему не удалось пожить из-за укравших у него ее большевиков. Ненависть к ним, переданная старшим поколением, вместе с надеждами определенной части эмиграции обратить историю вспять при содействии агрессора, дескать потом после крушения советской власти можно будет и с немцами договорится, а если и нет, то и побороться с ними, бродила тогда в головах молодых русских людей, представителем которых был и наш земляк.

Мое знакомство с Г. М. Моисеевым произошло задолго до того, как были опубликованы его автобиография и его «полуроман-полубыль». О существовании этого человека я узнал в 1996 году, когда он прислал мне свое письмо-отклик из далекой Канады на мою статью о И.Л.Солоневиче, опубликованную в московском издании «Русский Вестник». Этот наш земляк-гродненец Солоневич, замечательный публицист и мыслитель, прожил нелегкую жизнь в забвении и изгнании, на чужбине, но он никогда не забывал о своей родине и до конца своих дней мечтал о ее возрождении на близких его сердцу началах. Оказалось, что эти начала были близки и незнакомому мне автору письма, который как оказалось, кроме Волковыска, прожил и в Гродно более десяти предвоенных лет.

Мой домашний адрес он получил в редакции «Русского Вестника». Постепенно между нами завязалась переписка, оборвавшаяся в силу разных причин, включая и споров вокруг его жизни и деятельности, в 2005 году. Из его писем я узнал много нового о Гродно и гродненцах его поры, о его отношении к тому, что происходило на постсоветском пространстве на переломе XX и XXI веков. В его корреспонденциях почти всегда имелся и издаваемый им лично на собственные средства «Белый листок». Посылал и я ему свои письма, в которых искренне высказывал свое отношение к его позиции, которая была близка мне горячим патриотизмом, желанием сделать Россию, страной достойной лучшей доли и жизни, жизни свободной от засилья прозападных, олигархических сил. Разумеется, что и тогда по многим вопросам истории России и современной жизни, наши позиции сильно расходились, да и разница в возрасте была между нами огромная, не говоря уже о масштабах пережитого, но тем не менее это не мешало нам общаться, посылать друг другу свои статьи и книги, делиться творческими планами.

В ту пору Георгий Митрофанович работал над своим автобиографическим произведением «Страницы жизни. 1939-1943», посвященном истории семьи Моисеевых и личной судьбе. Когда первая часть этой книги увидела свет, он прислал мне ее со своим автографом – «Дорогому Валерию Николаевичу на добрую память от автора Г.М. Моисеева. Ланарк, Канада 16 ноября 2005

года». Над романом Георгий Митрофанович работал более тридцати лет, планировалось издание его второй и третьей частей. В опубликованной части было немало малоизвестных мне страниц из жизни Волковыска и Гродно в 1920-30-е годы. Несмотря на то, что действующие лица романа, включая и его главного героя носили вымышленные имена, описываемые в нем события вполне соответствовали их видению и пониманию Моисеевым. Для романа автором в качестве эпиграфа были взяты поэтические строчки:

«Времена пройдут лихие,
Позабудется война,
Будет Новая Россия,
Вновь велика и сильна».

Вслед за эпиграфом шло содержательное посвящение: «Посвящаю памяти моих Родителей, Великих Русских Патриотов, давших мне свет Православия, Русскую речь, любовь к русскому народу, генерал-майору Всевеликого войска Донского Митрофану Алексеевичу Моисееву и Надежде Васильевне Моисеевой. Жене, Елене Фоминичне с глубокой благодарностью, брату Игорю Митрофановичу, детям, внукам и правнучке на память, оставшимся в живых Белым Русским Офицерам с признательностью за поддержку и поощрение».

Когда автор только еще мечтал о публикации данной работы на своей родине (и даже при моем участии), он присылал мне различные фрагменты ее, а в одном из писем на эту тему написал: «Если будете писать вступление к моим материалам или давать им критику, то Вам надо знать обо мне следующее: рожден в Волковыске (от матери-москвички и отца донского казака и белого офицера) в 1924 году». Далее он сообщал о своей жизни, профессиональной карьере и общественной деятельности, но уже после войны (о последней он умалчивал. – В.Ч.) и заканчивал все это такими строчками: «Написал более трех тысяч статей на политические, военные и бытовые темы. Шесть лет издаю «Белый листок». Знаю четыре языка. Почетный член редакционного совета газеты «Вестник казачьих войск». В России только за последнее время был восемь раз, в том числе один раз в Гродно, а до Волковыска, где находятся могилы бабушки и дедушки по линии матери (Муравьевых), так еще и не добрался. Сильно связан с казачьим возрождением; дух мой на Дону, но и в Гродно и Волковыск, где прошли детство и юность, тянет необыкновенно. Проживал в Германии, Австралии, Саудовской Аравии, ныне в Канаде. Вся моя семья, дети, внуки и правнуки православные. Пришлось много пережить, но мне удалось выстоять, сохранить свою Русскость, Православие и передать их детям! А теперь пора и дух перевести. Не так ли?».

Вполне понятно, что участвовать в задуманном автором проекте у меня не было никаких возможностей и сил. Что же касается его воспоминаний о предвоенном Гродно, присланном в одном из писем, то я приложил немало усилий к тому, чтобы они были опубликованы на страницах «Гродненских епархиальных ведомостей». К сожалению, из-за большого объема присланного материала редакция подвергла его без всякого согласования значительному сокращению, что вызвало законное возмущение у меня, но особенно у Георгия Митрофановича. Через некоторое время эти воспоминания под заголовком «Ушедшее Гродно» были опубликованы в полном объеме Н. В. Дорош в ее сборнике «Православное Гродно». Эти воспоминания замечательны не только своей насыщенностью событиями, фактами и их деталями, но и безграничной сердечностью и теплотой по отношению ко всему тому, что окружало семью Моисеевых в те далекие годы. Начинались они со слов:

«Годы идут, воспоминания стираются, время наносит свою патину, события блекнут и становятся историей... Старинное Гродно кануло в Лету, но может быть, кое-кто глядя вспять, еще сможет разделить со мной те воспоминания, которые я унес с собой в дальние страны на много лет. Будучи в самых отдаленных точках мира, мне часто вспоминались страницы далекого гродненского прошлого и те годы, когда сознание еще только формировалось, когда впечатлительность воспринимала самые яркие картины детства и юношества. Помню...». А помнил Георгий Митрофанович о многом, и в этом может убедиться каждый гроднец, если он обратится к полному тексту воспоминаний, помещенных вместе с его письмами ко мне в приложении к данной книге.

В последующие годы наше общение пошло на убыль. Оно опять несколько оживилось после посещения нашего земляка в Канаде моим племянником Николаем Чепурным, потомком кубанского казака и тоже гродненца. Его появление в доме Моисеева было своеобразным посланием из города его юности. Двум гродненцам, молодому и убеленному сединами, тогда было о чем поговорить. А в 2013 году Георгия Митрофановича не стало. К сожалению, так и не сбылась его давняя мечта побывать в Волковыске, посетить могилки своих дедушки и бабушки по материнской линии. Кончина Г. М. Моисеева вызвала чувство искренней печали у всех, кто знал этого стойкого по жизни человека, «чьи пламенные изречения вдохновляли тех в эмиграции и на родине, кто забыл, что они русские и православные, тех, кто еще хочет послужить святому делу возрождения и Исторической России, и казачеству». Умер Георгий Митрофанович 21 марта на 89-ом году жизни, а через два дня после смерти любимого отца, не выдержав горя, умерла его младшая дочь Светлана. Отпевание отца и дочери состоялось в Оттаве в церкви Тысячелетия Крещения Руси, построенной в 1980-е годы в столице Канады по проекту архитектора Г. М. Моисеева. Наш земляк и донской казак обладал огромным талантом, который он проявлял не только на литературном-историческом, но и общественном поприще. Он живо интересовался постсоветским периодом нашей некогда единой страны и искренне до последнего вздоха болел за ее судьбу.

Третьим замечательным русским литератором, родившемся в Волковыске, следует назвать Николая Андреевича Черкашина – известного журналиста и писателя-мариниста, советского офицера-подводника. Материалы Википедии о нем достаточно скупы: «Родился 25 ноября 1946 года в городе Волковыске (ныне Гродненской области Белоруссии). Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «история русской философии». Служил на Северном флоте на 4-й эскадре подводных лодок - самом крупном в мире соединении подводных лодок. Участвовал в дальних морских походах в Атлантическом океане и Средиземном море. Сестра Николай Черкашина – пушкинист, литератор. В 1980-х годах входил в редакционную коллегию героико-патриотического литературно-художественного альманаха «Подвиг». Награжден орденами и медалями Вооруженных Сил СССР за службу Родине, а также премиями Андрея Первозванного, Ленинского комсомола, «Золотого кортика», имени Н. Островского, Г. К. Жукова и Александра Невского за литературную деятельность во благо Российского государства. Моряк по профессии, Николай Андреевич посвятил свое писательское творчество героической и драматической истории Русского флота и его героям. В этом смысле Николай Черкашин, пожалуй, может считаться прямым продолжателем дела Валентина Пикуля, как-то сказавшего: «Из писателей маринистов я выделил бы Николая Черкашина. Он трудяга, и дай Бог ему здоровья. Так и надо бороздить историю, в ней еще немало интересных полных драматизма загадочных страниц...».

В «Изборнике. Материалах к словарю русских писателей XX – начала XXI века» (М., 2003) о нем написано: «Черкашин Николай Андреевич (25.11.1946г., г. Волковыск, Гродненская область). Отец – пушкинист, всю жизнь занимался воссозданием родословного древа Пушкиных. Окончил в 1970 г. философский факультет МГУ и в 1974 году аспирантуру. Служил на Северном флоте, был заместителем командира подводной лодки. Капитан 1-го ранга в запасе. Работал в «Комсомольской правде» и Красной звезде». Первую книгу - «Соль на погонах» - издал в 1980 году. В 1994 году пережил тяжелую утрату: в Абрамцево неизвестные сожгли зимний дом писателя, в котором он хранил походные дневники и другие исторические материалы. Здесь же указывались сочинения Н. А. Черкашина около тридцати книг очерков, повестей и рассказов, исторических романов. Приведен перечень публикаций о писателе.

В моей домашней библиотеке имеется несколько замечательных книг нашего земляка, написанных в последние годы. Все они имеют его дарственные надписи-автографы с традиционными дорисованными военным моряком над своей фамилией парусами. На титуле первой из них под заглавием «Звезда Колчака. Размышление на старыми фотографиями» (М., 1993) – автограф автора: «Профессору Валерию Николаевичу Черепице на доброе заочное знакомство. Ник. Черкашин. 22.06.94». Книгу эту мне передал пытливый студент-заочник и офицер Андрей Иванович Чернобай, работавший под моим руководством над дипломной работой, посвященной реформам нашего земляка, генерала и военного министра П. С. Ванновского. Получил он ее от гостившего у него в Гродно писателя. Как мне говорил Андрей Иванович, во ходе этой встречи много говорилось об истории Гродненщины, упоминались при этом и мои работы. Так и появилась у меня «Звезда Колчака». Впечатление от прочитанного было огромным, большим и щемлящим.

На другой книге писателя – «Повседневная жизнь российских подводников» (М., 2000) был помещен следующий автограф: «Валерию Николаевичу Черепице – от земляка – и от всего сердца. Ник.Черкашин. 30.04.2001 г.». Эта замечательная книга натолкнула меня на собственное исследование, получившую название «История и повседневность в жизни агента пяти разведок Эдуарда Розенбаума» (Гродно, 2005). А вот надпись на очередной книге писателя-земляка «Унесенные бездной. Гибель «Курска». Хроника. Версии. Судьбы»: «Дорогой Валерий Николаевич! Примите со страниц этой печальной книги самые искренние пожелания добра, счастья и новых исторических находок. Ник. Черкашин. 25.10.2001 г.». При чтении этой работы чувствовалось, что трагедию этой атомной подводной лодки, как, впрочем, и «Комсомольца» писатель принимал особенно остро. Как бывший подводник, он хорошо понимал, что пришлось пережить членам экипажа. Повесть Н. А. Черкашина «Пламя в отсеках», также рассказывающая о катастрофе близ острова Медвежий, о героической борьбе экипажа за живучесть подводного корабля, о бедах и проблемах спасательной службы, - это также долг памяти писателя перед моряками-подводниками.

Нельзя было не поражаться увлеченности Николая Андреевича, масштабности его творческих поисков, глубине проникновения в судьбы своих героев и их связи с сегодняшним днем. Огромное впечатление произвел на меня роман Черкашина «Кровь офицеров». Именно им, русским морским офицерам, выпускникам Морского корпуса 1900-1904 годов, выпали на долю Порт-Артур и Цусима, броненосец «Потемкин» и крейсер «Память Азова», сражения Первой мировой и бои гражданской войн, «баржи смерти» на Балтике и в Белом море, горечь судьбины «русских без отечества», а тем, кто уцелел, еще и Великая Отечественная. Среди героев этой книги – блестящий организатор морской разведки адмирал Андриан Непенин, выдающийся исследова-

тель Арктики, герой Порт-Артура и Первой мировой адмирал Александр Колчак, забытый полярный первопроходец Петр Новопашенный, трагический флагман Балтики Алексей Щастный и другие. С особым интересом читал я о судьбах офицеров крейсера «Олег», так как с ним была связана и судьба моего двоюродного деда по отцовской линии старшего матроса-электрика с этого же крейсера Алексея Викентьевича Черепицы, без вести пропавшего в водовороте гражданской войны. Как остросюжетный «архивный детектив читалась книга Н. А. Черкашина «Одиссея мичмана Д...» (М., 2003), посвященная расследованию загадочной гибели в 1917 году линкора «Пересвет» и не менее драматическим судьбам офицеров старого русского флота после октября 1917 года. На титульном листе ее автограф писателя: «Историку, писателю, земляку Валерию Черепице от автора с пожеланием счастливых одиссей – сердечно! Ник.Черкашин. Москва- Гродно.3.09.03».

Начиная с заочного знакомства завязалась у нас и переписка, были и телефонные разговоры на творческие темы. При посредничестве моей племянницы Анны Юрьевны Хвесени (Чепурной), живущей в Москве, шел у нас и обмен авторскими книгами с пожеланиями выхода новых. Делались и попытки встретиться лично. Как-то в ходе одной из поездок в российскую столицу, мы договорились встретиться на ближайшей станции метро, но, к сожалению, в назначенное время мы разминулись, не узнав сходу друг друга. Но в Гродно такая встреча состоялась, и нам было о чем поговорить, и прежде всего, о своих творческих задумках, о путях их реализации и другом. Разумеется, что состоялся тогда и обмен своими книжками. На одной из них – «Авантюры открытого моря» Николай Андреевич оставил автограф: «Земляку и коллеге Валерию Черепице – от всего сердца на гродненской земле. Ник. Черкашин. 11.05.10 г.». До нашей встречи писатель побывал в различных местах нашей области, и, как всегда это были не только родные его сердцу города и веси, но и те в которых жили и воевали герои его будущего романа, который строился на уникальных событиях, охвативших Гродненщину в начальный период Великой Отечественной войны. Впечатления от самого писателя, манеры его общения были самые положительные, подтверждавшие те представления о нем, которые сложились у меня еще раньше через его книги и опыт предыдущего общения. Передо мной находился «седой боевой капитан», много знавший и повидавший в отличии от меня на своем веку, но в нем не чувствовалось ни доли естественного превосходства надо мной. Он, словно вопреки моему высокому мнению о его писательстве, не нарочито, а на полном серьезе пытался «выудить» и из меня, что важное и нужное для себя и своей новой работы через мое «профессорство», хотя и рассказал, но я к этому особенно и стремился, хотя и поделился своим скромным опытом овладения темой войны, через уникальные документы, доставшиеся мне в наследство после кончины начальника штаба партизанской бригады имени К. Калиновского С. В. Чудинова. Свое заключение по этому поводу Николай Андреевич выразил довольно емко: «Валерий Николаевич, об этом обязательно надо писать, ибо от парадного представления о войне мало проку, ибо в нем нет столь нужной нашему народу правды».

Хорошо зная о том, как зачастую нелегко опубликовать результаты своего труда, Николай Андреевич щедро делился со мной своим богатым в этом направлении, но при этом он никогда не давал легковесных обещаний помочь в этом деле. Весьма деликатен он был и по части оценки плодов моего писательства, невольно забывая, что я в первую очередь историк, во вторую – публицист, и что для меня ценность первоисточника намного выше писательского вымысла ради увлекательности сюжета. Вот несколько строчек на эту тему из его письма: «Дорогой Валерий Николаевич! С большим интересом прочитал Вашу рукопись об агенте пяти разведок. И судьба, и сам материал – уникальны. Читал даже ночью. Возможно, я пристрастный читатель,

поскольку речь идет о моих родных местах. Но тем не менее, старался читать отстраненно – редакторским оком. На мой взгляд срединную часть рукописи надо подсократить. Поездки Розенбаума по Польше и методы его действий – однотипны и вызывают утомление. Надо выбрать самые яркие, характерные. Обязательно нужно усилить женскую линию. Без женщины романы скучны, да и не романы вовсе. Сейчас ищу издателя. Очень хочется увидеть Вашу рукопись в виде книги. Мечтаю приехать в Гродно, Волковыск, Слоним... Обнимаю, желаю творческих успехов, а главное – новых открытий и вдохновения. Ваш Николай Черкашин».

Как-то по ходу разговора о роли Православия в русской истории, писатель выразил свою досаду по поводу того, что в памяти его родных и близких не сохранилось имя батюшки, крестившего его, младенца, вскоре после рождения в Волковыске. Надо сказать, что я с удовольствием вызвался помочь ему в этом деле. И вскоре на мое письмо с фотографией его батюшки – крестителя был получен восторженный ответ Николая Андреевича: «Дорогой Валерий Николаевич! Спасибо Вам за трогательное письмо. Вот уж никак не ожидал увидеть человека, который принял меня в лоно Православной Церкви. Отец Виталий! Теперь его портрет будет висеть в рамке над моим столом. Нельзя ли узнать даты его жизни и смерти, а также – где он похоронен? Хотел бы побывать на его могиле».

Разумеется, я ответил на все вопросы, заинтересовавшие нашего земляка. Особое удивление его вызвало то, что настоятель Волковысской Свято-Николаевской церкви протоиерей Виталий Железнякович (1900-1972), кроме священнического служения, весьма активно занимался литературной и публицистической деятельностью. Свои работы он публиковал во многих православных изданиях («Воскресное чтение», «Русское слово», «Русский голос», «В церковной ограде» и др.), выходявших в Польше в 1920-1930-е годы. На их страницах священник активно боролся против внутренних нестроений, охвативших тогда верхушку церковной иерархии, а также против полонизации белорусов, осуществляемой польскими властями, за что он неоднократно подвергался репрессиям. В ту пору имя отца Виталия Железняковича, его жизненная позиция были широко известны не только в Польше, но и за границей. В 1951 году в атмосфере воинствующего атеизма священник был арестован «за антисоветскую деятельность и хранение литературы такого же содержания», под которыми фигурировали вышеупомянутые издания с его публикациями. В итоге он был осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Многие из творческого наследия отца Виталия было уничтожено им самим из-за опасений ареста, а также в ходе следственных мероприятий сотрудниками госбезопасности.

Праведнической жизни и литературному творчеству священника Виталия Железняковича было посвящено мое исследование «Сердце, горящее жаждой истины». Написано оно было на основе его судебно-следственного дела, хранящегося в архиве областного управления КГБ, воспоминаний литературоведа В. А. Колесника, родных и близких отца Виталия. Так случилось, что моя студенческая и последующая жизнь свели меня с племянниками отца Виталия – сыновьями младшего брата волковысского священника, известного белорусского партийного и советского деятеля, активного участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Павла Аркадьевича Железняковича. Данное обстоятельство в значительной степени стимулировало мой интерес к данной теме. Драматизм, вся сложность взаимоотношений родных братьев – священника-публициста и видного представителя боготорческой власти представлялся мне тогда интересным сюжетом для серьезного литературного произведения. Весьма значимым

является и сам факт крещения будущего писателя Николая Черкашина священником-литератором Виталием Железняковичем. В нем заключен некий провидческий смысл.

Вместе с фотографией отца Виталия я послал знатоку истории российского флота и фотографию матроса Алексея Черепицы с крейсера «Олег», сделанную во время стоянки корабля в Гельсингфорсе, ныне Хельсинки – столице Финляндии (год не указан, но скорее всего в 1915 году). И получил от Николая Андреевича следующий ответ: «Очень интересен снимок Вашего родственника – матроса с «Олега». Буду иметь в виду и его судьбу в своих поисках. Крепко жму руку».

В одном из своих писем Николай Андреевич прислал мне свою небольшую автобиографическую повесть «Волковыск». Чувствовалось, что в нее он вложил немало своей души и таланта, и мне сразу же захотелось ознакомить гродненцев с ее содержанием. Но, к сожалению мой тогдашний порыв не встретил понимания в редакциях областных периодических изданий из-за ее якобы солидного объема, однако дело тут было совершенно ином – реклама и объявления приносили им куда больший доход. Таким было то время, да и сегодня оно не на много изменилось. А начиналась повесть так: «В моем паспорте навсегда записано: «Место рождения – г. Волковыск Гродненской области». Не сочтешь, сколько раз приходилось мне писать эти дорогие для меня названия во всевозможных анкетах... Волковыск... Слово для меня навсегда детское. Наверное, потому, что «волк» - это прежде всего тот самый волк, которого во всех сказках, так хитро морочила лиса, а сказки эти, как и прочие, я впервые услышал в Волковыске...». После этого прошло немало времени, и, наконец, эта повесть в полном объеме прозвучала на всю республику, когда по просьбе «Белорусской военной газеты. Во славу Родины» (выпуск №17 от 30 января 2014) она была воспроизведена писателем в его большом интервью под заголовком – Николай Черкашин: «Я каждый год возвращаюсь в Беларусь...». И все-таки о своих земляках - русских писателях в Волковыске знают очень и очень мало, и это весьма досадно. Вот почему это интервью и помещено в приложении к этой книге.

